

18+

ЛЕГУЧАЯ ВЕРСИЯ

РОМАН

КРЕСТ И ЖЕЛЕЗО

Анатолий Тришков

Анатолий Тришков

Крест и железо. Летучая версия

«Издательские решения»

Тришков А.

Крест и железо. Летучая версия / А. Тришков — «Издательские решения»,

Их сослали на край земли. Кандалы, тайга, золото, любовь. Из каторжников — в хозяева своей судьбы. «Летучая версия» — только вершина айсберга. Полная история — в романе «Крест и железо».

Содержание

#		6
	Глава 1.	6
	Глава 2.	8
	Глава 3.	9
	Глава 4.	10
	Глава 5.	11
	Глава 6.	12
	Глава 7.	13
	Глава 8.	14
	Глава 9.	15
	Конец ознакомительного фрагмента.	16

Крест и железо Летучая версия

Анатолий Тришков

© Анатолий Тришков, 2026

ISBN 978-5-0070-0640-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

#

Книга первая

Отрадное

Глава 1.

Где земля пахнет полынью и порохом

Ночью Игнат закричал во сне. Матрёна толкнула его в бок: «Игнат! Очнись!» Он сел, весь в холодном поту. Сердце колотилось где-то в горле. Приснилось, что банда Гуря врываясь во двор, а он не может пошевелиться. Стоит, как пень, и смотрит, как режут баб и детей. «Тише, — прошептала Матрёна, накрывая его одеялом. — Тише, родимый. Это сон». Игнат лёг, но до утра не сомкнул глаз. В груди было холодно и тесно. Будто там не сердце, а камень. И этот камень медленно тянул его вниз — к тому, чего он боялся даже назвать.

Утром, когда генерал вышел на крыльцо, во дворе уже назревала драка. Он остановился, заложив левую руку за спину — картечь под Бендерами навсегда искалечила сустав, и он давно привык прятать эту скованность. Правой сжимал чубук и указывал им на конюшню, где двое мужиков, скинув армяки, стояли друг против друга. Один — плотный, с тяжёлым затылком — горячо что-то втолковывал, размахивая руками. Второй — широкоплечий, с лицом, будто вырезанным из дерева, — молчал и лишь переступал с ноги на ногу. «Игнат! — позвал генерал негромко, но голос его покотился над усадьбой, как бревно с горы. — Что там у них?» Управляющий уже бежал к крыльцу, на ходу вытирая ладони о порты. Игнат был мужик богатырского сложения, с умными, быстрыми глазами. «Еремей опять, Илья Николаевич, — сказал он, переведя дух. — Говорит, Глеб на покосе норму не выполнил. А Глеб молчит. Только смотрит». Генерал усмехнулся, и щетина бакенбард дрогнула. Шрам от турецкой сабли, тянувшийся от виска к углу рта, чуть повело. «Сам видел? Не выполнил?» — «Видел. Выполнил. Даже больше Еремея. Только тот косил на виду, а Глеб — в дальнем конце, где трава гуще». Генерал затыкнул трубку и выпустил дым в вечернее небо. «И что теперь? Хочет, чтоб я выпорол Глеба за то, что он работает, а не языком молотит?» — «Не знаю, барин. Еремей — мужик горластый, ему внимание нужно. А Глеб... после пожара он сам не свой. Избу спалило, Дарью — жену молодую — выгнать не успели... Она кричала до последнего. Он теперь и работает как проклятый, и молчит как мёртвый». Генерал помолчал, покатав чубук в пальцах. «Позови-ка их обоих. Сюда, на крыльцо».

Через минуту мужики стояли перед крыльцом: Еремей — красный, потный, ещё возбуждённый, и Глеб — неподвижный, с лицом, в котором нельзя было прочесть ни страха, ни надежды. Глаза у Глеба были светлые, выцветшие, будто выгоревшие на солнце вместе с душой. «Ну, рассказывай, Еремей, — сказал генерал, усаживаясь на перила. — Кого и в чём

обвиняешь?» Еремей шагнул вперёд и ткнул пальцем в Глеба: «Барин, да как же! Он на покосе ровно сонный ходил! Я за двоих работал!» Генерал посмотрел на него спокойно: «А ну, покажи спину». Еремей опешил. «Спину, говорю. Рубаху задери». Еремей, пятась, стянул рубаху через голову. Спина у него была чистая, розовая. «Повернись. Игнат, глянь». Игнат подошёл, провёл ладонью: «Чисто, барин. Ни ссадины». «А теперь ты, Глеб». Глеб не шелохнулся. Стоял, глядя в землю. «Глеб, — позвал генерал. — Я сказал: покажи спину». Игнат шагнул к брату, тронул за плечо. Глеб медленно, будто сквозь сон, стянул рубаху. Вся спина была в свежих багровых рубцах — не от кнута, а будто он сам полосовал себя чем придётся. Под лопатками темнели страшные, уже подживающие ожоги. «Это откуда?» — тихо спросил генерал, уже догадываясь. Глеб молчал. Игнат сжал кулаки: «Я же говорил... Ночью, барин. Он ночью не спит. Мечется, стены дерёт. Я его будить боюсь — кинется. Дарью видит. В огне». Еремей попятился, перекрестился.

Генерал долго молчал. Потом спустился с крыльца и подошёл к Глебу вплотную. Положил здоровую руку ему на плечо. «Слышь, ты, — сказал он негромко. — Мёртвых не воротишь. А живому жить надо. Ты понял меня?» Глеб молчал. «Я спрашиваю: понял?» — «Понял, барин», — выдохнул он. «Работать ты должен. Это моё тебе слово. А ночью... ложись рядом с Игнатом. Он брат, доглядит. А если невмоготу — приходи ко мне. У меня в кабинете и трубка есть, и разговор найдётся. Солдатский разговор. Понял?» Глеб поднял глаза. В них впервые мелькнуло что-то живое. «Понял, барин». Генерал повернулся к Еремею: «А ты завтра выйдешь на покос один. Без Глеба. И сделаешь норму за двоих. Не сделаешь — выпорю при всей вотчине. Чтобы неповадно было языком молоть на того, у кого горе». Еремей открыл было рот, но генерал оборвал: «Молчать! Игнат, проследи». Мужики разошлись. Глеб стоял, не зная, куда деть руки. Игнат тронул его за локоть: «Пойдём, брат. К ужину баба моя щи сварила». Глеб медленно повернулся и пошёл за ним. Генерал остался на крыльце. Игнат вернулся. «Барин... спасибо. За Глеба». — «Не за что, — буркнул генерал. — Поп с ним пусть говорит. Или время. Я не лекарь, Игнат. Я солдат. Солдат лечат только железом, а тут железом не поможешь». Он затащился трубкой и посмотрел на темнеющий лес. «Слышал я про Гурья. Татарина того, что у Пугача в есаулах ходил». — «Слышал, барин. Страшное дело». — «Отбери завтра мужиков надёжных. И за Глебом приглядывай. Крепко приглядывай. Такие работающие мужики на дороге не валяются». Игнат кивнул. Вечер густел. Над усадьбой поднимался туман, и огни барского дома начинали мерцать в нём тёплыми золотыми пятнами. Игнат посмотрел на этот свет, на брата, уходящего к избе, и вдруг понял: этот свет — не для всех. Для кого-то он погаснет навсегда. И скоро.

Глава 2.

Мушкетон с колыбелью

В мезонине было душно. Даже ночью. Анна Васильевна сидела у колыбельки внука, покачивая люльку ногой. Сашенька посапывал, сжимая во сне кулачок. На столике рядом лежал мушкетон. Короткий, лёгкий, с широким стволом. Илья зарядил его ещё днём. Сказал: «На всякий случай». Оба знали — случай на пороге. Она взяла оружие в руки. Тяжёлое. Холодное. Вспомнила тот день, когда выходила замуж за блестящего капитана. Илья стоял посреди гостиной на Васильевском острове, прямой, как шомпол. «Анна Васильевна, моя жизнь — служба. Осмелюсь просить разделить её со мной. Обещаю честью быть защитой и опорой». Она покраснела, опустила глаза, потом подняла. «Я верю вашей чести, капитан». Господи, как глупо. Сашенька всхлипнул во сне и затих. Анна перекрестила его, потом себя. Пальцы дрожали. «Господи, — прошептала она в темноту. — Сделай так, чтобы я не закричала. Не упала. Чтобы он мной гордился».

Она не заметила, как задремала. Сквозь сон слышала хруст. Резкий, сухой — будто кто-то наступил на ветку. Потом ещё один. И шёпот. Неразборчивый, гортанный. Анна открыла глаза. Сердце увеличило темп. Выглянула в окно. Внизу, у конюшни, метались тени. Кто-то крикнул: «Огонь!» — и грянул залп. Сашенька проснулся и заплакал. Анна зажала ему рот ладонью, прижала к себе. «Тихо, — шепнула. — Тихо». У конюшни занялся свой пожар. В его отсветах она увидела человека. Он выскочил из-за угла амбара, пригнулся, побежал к дому. В руке пистолет. Целился в окно подвала, где пряталась Елена с ребёнком. Анна не думала. Вскинула мушкетон, прижала приклад к плечу. Илья учил: «Целься в корпус, картечь сама сделает своё дело». На секунду она увидела лицо разбойника — скуластое, с чёрной бородой. И в этом лице мелькнуло что-то человеческое? Она не успела разобрать. Палец нажал на спуск. Грохот ударил по ушам. Отдача ткнула прикладом в плечо так, что она вскрикнула и выронила оружие.

Потом был звон. Долгий, белый звон, сквозь который пробивался чужой крик — нечеловеческий, дикий, предсмертный. Анна сидела на полу, прижимая к себе Сашеньку. Он плакал, но она не слышала. Она смотрела на свои руки. Они дрожали. Пальцы всё ещё сжимали воздух, хотя мушкетон валялся в стороне. В горле подкатила тошнота. Она вышла к окну, увидела: человек лежал на земле, корчился. Рядом бежали мужики с топорами. Она села на пол. Рядом, в колыбели, надрывался Сашенька. Она взяла его на руки, прижала к себе. Он был тёплый, мокрый от слёз. Плакать хотелось, но слёз не было. Через минуту, а может, через час, в комнату вошёл Илья. Бледный, в прожжённом мундире, с саблей в руке. Он опустил на колено, взял её руки. Они были ледяные и не слушались. Он растирал их, не говоря ни слова. «Ты жива, — сказал он хрипло. — Это главное». Она кивнула. Он поцеловал её в лоб, поднялся и вышел. Она осталась сидеть на полу, прижимая к себе внука. За окном стихали крики.

Глава 3. Ночной разговор

Лагерь стоял в развалинах поташного завода. Кони в лощине. Дозорные на кирпичных сводах, сливались с камнем. Гурей сидел у костра, точил саблю. Лезвие пело, касаясь камня. Гурей любил этот звук. Он напоминал ему другой — тот, что он слышал в детстве в своей деревне под Казанью. Мать пела по вечерам. Тихо, нараспев, на чужом для него уже языке. «Бисмилляхир рахманир рахим...» Теперь он не помнил слов. И не хотел помнить. Аллах молчал, когда жгли его деревню. Молчал, когда Пугачёв, которому он верил как царю, оказался самозванцем. Молчал и теперь. Гурей точил саблю. Это была его молитва.

Из темноты выволокли Петьку Косого. Поставили на колени. Гурей поднял голову, посмотрел на него долгим взглядом. Чёрные зрачки, непроницаемые. «Зачем ходил?» Петька замычал — рот заткнут тряпкой. Гурей кивнул. Тряпку вынули. «За хлебом, атаман! Для всех! А там баба, платок дала, я и взял, не со зла...» — «Платок показал». Ему сунули в лицо платок. Дешёвый, бабий, с вышивкой. «Девку трогал?» — «Не, не трогал! Честно! Она сама...!» Гурей слушал, точил саблю. Потом отложил камень, провёл пальцем по лезвию. «За воровство у своих — руку, — сказал ровно. — Но ты не у своих украл. Ты у мужиков. У тех, кто нас кормит. Ты нас всех подставил». Он кивнул двоим. Те подхватили Петьку под мышки, потащили к сараю. Петька дёргался, мычал, потом затих. Через минуту из сарая донёсся звук — не крик, а мокрый, сдавленный хрип, который быстро оборвался. Гурей даже не повернул головы. Кто-то из сидевших у костра отвернулся. Другой сглотнул. Старый разбойник мелко, украдкой перекрестился. Гурей поднял глаза на огонь. Вспомнил, как Петька смеялся, когда брали обоз под Козельском. Парень был весёлый. Что-то шевельнулось в груди. Похожее на жалость. Гурей сплюнул в огонь. «За воровство у своих — смерть, — сказал он ровно. — Забудьте». В сарае ещё какое-то время потрескивало. Потом стихло. «Завтра, — сказал Гурей, не поднимая головы. — Надо послать человека в Отрадное. Узнать, сколько баб, сколько мужиков, есть ли ружья». Из темноты выступил невзрачный мужичок щуплого вида — Севка. «Я слажу, атаман. Я тамошний». Гурей поднял голову, посмотрел на него. Севка выдержал взгляд, но веко дёрнулось. «Ступай. Через три дня назад. Награда — серебряный рубль. Измена — смерть». Севка перекрестился для виду и растворился в чаще. Гурей снова взялся за саблю. Лезвие пело.

Глава 4. Язык

Глеб сидел на крыльце Игнатовой избы, строгал палку. Нож входил в дерево мягко, стружка вилась, падала под ноги. Мимо пробежал Петька-Хомут, сын конюха, парнишка лет двенадцати, вихрастый и конопатый. Увидел Глеба, притормозил, подошёл ближе. «Дядька Глеб, зачем палку строгаешь?» Глеб поднял глаза. Посмотрел на Петьку. Тот поёжился. «Собак воспитывать», — ответил хрипло. Петька хмыкнул неуверенно: «Собак — прутом. А это палка. Тяжёлая». — «А если не собака, а зверь на двух ногах?» Петька сообразил мгновенно. Глаза стали взрослыми, настороженными. «Дядька Глеб, а что, те звери... они близко?» Глеб помолчал. Посмотрел на лес за околицей. «Слушай сюда. Собери своих. Тех, кто по лесу шастает, кто чужого за версту чует». — «Есть такие. Ванька с Митькой, ещё Серёга-рыбак... мы всё знаем». — «Мне имена не надо. Мне глаза надо. Сделаете дело — я вас научу стрелять из ружья. По-настоящему». Петька кивнул и был таков, только пятки засверкали. Глеб проводил его взглядом. В глазах впервые за долгое время мелькнуло что-то похожее на дело.

На второй день Петька примчался — запыхавшийся, красный. «Дядька Глеб! В Заполье мужик новый! Севкой звать, у попа на дворе ночует. Всё про барскую усадьбу расспрашивает: сколько коней, куда барин ездит... А глаза бегают, как у хорька. Тать!» Глеб встал. Погладил ладонью нож за поясом. «Молодец. Беги к брату. Скажи — будет язык». Севку взяли ночью. Глеб ждал в бане. Когда привели — не говоря ни слова, двинул кулаком под дых. Тот согнулся, хватая воздух. Привязали к столбу. Глеб зажёл лучину, поднёс к лицу Севки. «Говори, посланник Гуреев. Зачем пришёл?» Севка забормотал о богомолье, о сиротстве. Глеб ударил ещё раз — наотмашь, по лицу. Потом ещё. Размеренно, как цепом молотит. «Для Гурей шпионишь?» Севка захлебнулся кровью. «Он... Гурей! Послал меня... Узнать про усадьбу... про стражу... когда обоз в город... Ой, родимые, не бейте больше! Всё скажу!» Избитого, трясущегося Севку привели к Илье Николаевичу в кабинет. Генерал сидел за столом, положив перед собой палаш. Рядом стоял Игнат. «Имя атамана?» — «Гурей... татарин...» — «Число и оружие?» — «Двадцать, может, двадцать пять... Конных половина... Ружья, сабли...» — «Цель?» — «Вашу усадьбу... Богатую слыл... Хотел разведку сделать, потом...» — «Когда нападение?» — «Не знаю, клянусь! Сказал, как разведку выслушает... После Петрова дня, когда на сенокос все уйдут...» Генерал переглянулся с Игнатом. «Уведите, — отрезал. — В ледник. Под крепкий замок. И приставьте караул».

Глава 5. Ополчение

В усадьбе закипела работа. Игнат и Глеб собрали тридцать пять мужиков. Вооружили кого чем: старые фузеи, охотничьи ружья, вилы, топоры. Илья Николаевич сам показывал, как строить каре. На переднем плане, у ворот, наскоро сколотили «чеснок» — доски с торчащими гвоздями. За кустами вырыли волчьи ямы. На колья навесили пустые горшки — дёрнешь верёвку, зазвенят на всю округу. Вечером накануне Петрова дня генерал собрал всех во дворе. Вышел в старом мундире, с Георгиевским крестом на ленте. «Мужики! — сказал он. — Завтра ждём гостей лихих. Не для меня — для баб ваших, для детей. Они — воры и душегубы. Мы — за своё дело. Стрелять метко, стоять насмерть». В толпе кто-то перекрестился. Молодайка с ребёнком на руках заплакала. Старуха подошла к внуку, сунула ему в руку краюху хлеба: «На, сынок. Сдюжим». Генерал отправил Глеба с письмами к соседним помещикам. Крюков прислал пять дворовых, Синявин — трёх. Господский дом превратили в крепость: окна забили досками, оставив бойницы. Полуподвал подготовили как последний рубеж: туда снесли ценности, воду, еду. Глеб с самыми отчаянными составил резервную дружину в саду. Ночью Игнат ворочался без сна. Думал: а если поставить стрелков не в доме, а в амбаре? Тогда ворвавшиеся окажутся меж двух огней... Утром подошёл к барину. Тот выслушал, хмыкнул: «Дельно. Делай».

Глава 6. Сеча

Ночь была глухая, беззвёздная. Тишина стояла такая, что звон в ушах слышен. В усадьбе не спали. Илья Николаевич стоял у бойницы, пальцы на прикладе. Рядом — Анна Васильевна, бледная, с мушкетонем в руках. В подвале Елена Дмитриевна прижимала к груди спящего Сашеньку. Игнат в последний раз обошёл периметр. Сердце выскакивало. Глеб стоял в саду, с косой наперевес. Они явились из мрака не крича, а шипя. Первый сигнал — хруст ветки и придушенный стон: один из передовых наткнулся на растяжку с колокольчиками. «Отвод! Лежать!» — рявкнул Игнат. В саду земля разверзлась. Первый провалился в яму — только хруст костей да дикий, нечеловеческий вой. Второй заорал, когда кол пробил ему ступню. «Огонь!» С амбара и конюшни грянул залп. Один из нападавших закрутился на месте, упал. Из-за яблонь, из-за кустов поднялись мужики. Вилы входили в тела с мокрым хрустом. Дубины разбивали черепа с глухим стуком. Бандиты бросились назад. И наткнулись на Глеба. Он встретил их тишиной. Первый, с топором, ринулся на него. Короткий взмах — коса снесла голову. Она отлетела, перевернулась в воздухе, упала в крапиву. Второму Глеб распорол живот от паха до грудины. Глеб косил. Молча. Размеренно. Пуля ударила в ногу, он упал на колено, но продолжал рубить. Кровь хлестала, заливая траву. Он не чувствовал боли — только ярость. Вторым ударом снёс голову ещё одному. У конюшни занялся свой пожар. Один из бандитов швырнул факел на крышу. Солома вспыхнула. Еремей, отбивавшийся вилами, увидел зарево. Замер на миг, а потом заорал: «Водой! Кто есть — тащи вёдра! Конюшня горит!» Бросил вилы, подхватил ведро, кинулся к колодцу. Рядом бежали мужики. Сбились в цепочку — от колодца к пожару. Вёдра летали, вода хлестала, но огонь не сдавался. Еремей надорвал спину, обжёг ладони, но не выпускал ведро. Лицо в саже, глаза горят бешеным огнём. Когда подоспели остальные, сбили пламя, Еремей рухнул на колени прямо в грязь, перекрестился: «Успели... Слава тебе, Господи... Успели». Гурей понял: битва проиграна. Отполз в тень липы. Глаза выхватили из темноты две цели: Игнат, командовавший мужиками, и окно подвала, где мелькнуло лицо Елены с ребёнком. Поднял пистолет. Прицелился в окно. Игнат обернулся на холодок — и увидел ствол, направленный в сторону подвала. Рванулся, закрыл ставень собой. Пуля ударила в дерево в сантиметре от головы, осыпав лицо щепками. Гурей выдернул второй пистолет. И тут грянул выстрел. Анна Васильевна, стоявшая у окна мезонина, даже не целилась. Просто вскинула мушкетон и нажала на спуск. Картечь ударила Гурею в плечо, содрала кожу со скулы, сбила с ног. Он рухнул, выронив пистолет. «Вяжи его!» — загредел Игнатов голос. Бой выдыхался. Те, кто мог бежать, бросились в лес. Мужики добивали раненых — коротко, без злобы, словно дрова рубили. Пахло дымом, сырой землёй и чем-то сладковатым, от чего мутило. Из подвала заплакал Сашенька — тонко, на одной ноте. Игнат стоял на коленях в луже крови, пытаясь зажать рану на ноге Глеба. По щекам его, по грязным, мокрым от пота щекам, текли редкие, яростные слёзы, которых он сам не замечал. Генерал, стоявший у окна с пистолетом в опущенной руке, смотрел на лес, откуда они пришли, и молчал. Так началось утро. С запахом гари и крови. С плачем Сашеньки из подвала. С лошадиным ржанием у конюшни, которую отстояли.

Глава 7.

Суд

Утро было серым и тихим. Хоронили убитых за церковью. Четверых. Игнат стоял у свежей могилы, сжимая шапку в руках. Рядом — Глеб, бледный, с перевязанной ногой. Генерал — без шапки, седой, прямой. Поп отпевал. Бабы плакали в голос. Когда земля на могилах осела, в поместье приехал капитан-исправник Родин с командой из Калуги. Выслушал генерала, осмотрел пленных, покачал головой. «Дело ясное. Разбой, убийства, покушение на жизнь помещика. Будем судить полевым судом». Солнце поднялось холодное и беспощадное. Пленных выволокли из ледника, поставили в центре двора. Вокруг сомкнулось кольцо из бледных, усталых лиц. Илья Николаевич вышел в мундире. Рядом стоял Игнат, глаза горят. Позади, опираясь на клюку, — Глеб. Родин развернул бумагу, зачитал приговор. Семерых — к повешению. Остальных — бить кнутом и в каторгу. «Народ православный! — голос генерала перекрыл гул толпы. — Этих гадов вы знаете. Они пришли жечь, грабить, убивать. Четверых наших положили. Глебу ногу сокрушили. Каков ваш суд, люди?» — «Смерть! Виселицы!» — взорвалась толпа. Игнат шагнул вперёд, обвёл всех взглядом и сказал одно слово: «Чума». Гурей стоял отдельно. Перед судом его сутки держали в леднике одного. Он не спал. Не ел. Только смотрел в стену. Когда за ним пришли, лицо было каменное, глаза пустые. Пленных поволокли к старому дубу. Родин поднял руку: «А этому, атаману, особый сказ. Ты, Гурей, будешь наказан плетью, а потом, в кандалах, отправишься на вечную каторгу в Нерчинск». Лицо Гурея исказила бессильная, бешеная ярость. «Лучше убей!» — хрипло вырвалось у него. «Смерть — лёгкая доля, — холодно отрезал Родин. — Ты будешь жить. И помнить. Приговор привести в исполнение». К столбу привязали Гурея, сорвали рубаху. Вышел конюх МIRON, чей брат погиб в сече. В руках — плетё с кошками. Двадцать пять ударов отсчитали под глухое молчание толпы. Гурей не кричал. Рычал сквозь зубы, впиваясь взглядом в землю. Когда отвязали, рухнул без сознания. Облили водой. Кузнец принёс кандалы — тяжёлые, почерневшие. Холодный металл с лязгом сомкнулся на запястьях и лодыжках. У старого дуба уже качались тела. Семеро. Гурей, приходя в себя, видел это. Отвернулся. «Отвести его в погреб. Завтра с первым обозом в Калугу, а оттуда — этапом в Сибирь», — распорядился Родин. Толпа расходилась. Из погреба доносился глухой, металлический лязг — Гурей бил кандалами о стену.

Глава 8. Вольные

На третий день после суда у старой дубовой рощи собралась вся округа. Священник отслужил панихиду по убиенным — и по защитникам, и по разбойникам. «Ибо все предстанут пред Господом», — глухо звучали слова. Илья Николаевич стоял без шапки, по щеке скатилась слеза. Анна Васильевна поставила на общую могилу разбойников деревянный крест из старого забора. Усадьба залечивала раны. Следы боя заровняли, землю перекопали. Проби-тые пулями ставни починили. Глеб выжил. Рана была страшная, кость раздроблена. Доктор из Калуги качал головой: «Ампутация». Но Игнат упросил дать срок. Привезли старуху Ага-фью, знавшую травы. Шесть недель не отходила от Глеба. Кость срослась, остался страшный, узловатый шрам.

Через неделю после годичной панихиды генерал приказал бить в набатный колокол. Народ собрался на широком дворе. «Люди добрые! — начал барин. — Год минул с той ночи. Пора и милость явить. Объявляю волю, да награду тем, кто особую храбрость явил». Первым назвали Еремея — за спасённую конюшню. Пожаловали корову. Еремей бухнулся на колени: «Барин... Век не забуду!» — «Встань. Ступай, принимай скотину». Потом — Фому Кузнеця. Вольная, с землёй и кузней. Фома ударил себя кулаком в грудь: «Служил и буду служить, Илья Николаевич! Спасибо!» И, наконец, Игнатия. «Ты не раб, — сказал генерал, голос дрогнул. — Ты друг. За верность и за подвиг у того окна...» Анна Васильевна развернула пергамент: «Жалую тебе вольную. И отписываю в вечное владение избу, конюшню, двадцать десятин земли и луг за рекой». Толпа ахнула. Игнатий наклонился, схватил руку барина, прижал ко лбу: «Барин... Отец... Роднёй будем. До скончания веков». Генерал повернулся к Глебу: «А тебе, Глеб Кузьмич... чья смекалка врага раскрыла... дарю Крутую мельницу на речке Верейке, со всеми землями и строениями. Будь отныне вольный мельник, хозяин полноправный». Глеб тяжело опустился на одно колено, клюка упала на ступеньку. «Милость... превыше заслуг... Мельницу приму. Но коли что — кликните. Глеб придёт». «Встань, хозяин, — сказал Илья Николаевич. — Не на колени, а на ноги». Под радостный гул Отрадное праздновало жизнь. А в избе управляющего в тот же вечер случилась ещё одна радость. У Игната и Матрёны родился сын. Окрестили Ильёй — в честь барина. Генерал стал крёстным, Анна Васильевна поднесла матери серебряный образок. Глеб, ещё хромающий, стоял на крестинах, глядя на племянника. В глазах его, обычно пустых, теплилось что-то живое.

Глава 9.

Письмо с войны

В разгар торжества, по случаю крестин, во двор въехал верховой с почтой. Среди пакетов лежало письмо, запечатанное воинской печатью. Илья Николаевич, увидев почерк сына, замер. Распечатал, пробежал глазами и поднял руку: «Семья — в гостиную». В гостиной собрались Анна Васильевна, Елена Дмитриевна с Сашенькой и Игнатий. Генерал начал читать: *«Любезнейшие родители, дражайшая супруга, милый сынок! Весть о нападении на Отрадное дошла до меня. Слава Всевышнему, что отстояли дом. Игнатию и Глебу — земной поклон. Матушка, вы, стрелявшая из ружья, — истинная героиня. О службе. Минувшей осенью стояли под Перекопом. Князь Потёмкин назначил полк усмирять татарские шайки. Октября 12-го шли с ротой в плавни при Молочных Водах. Места гиблые: камыши, топи. Неприятель встретил залпом. Солдаты дрогнули было, но я, помня ваши уроки, батюшка, пошёл вперёд: „За мной, ребята!“ Вышли на островок, сошлись врукопашную. Господь миловал — жив. В декабре приехал Светлейший. Собрал офицеров, подозвал меня и при всех сказал: „Капитан, о тебе помню. Рапортовал государыне“. Тут же объявил производство в капитаны. Ныне стоим под Херсоном. Край дикий, но великий. Город строят, верфи заложены. Но тяжело людям: ветры сухие, воды нет, солдаты мрут от лихорадок. Князь строг: сбережение солдат паче храбрости. Матушка, пишите. Весточка из дому — лучшее лекарство. Ваш сын капитан Иосиф Трубников. P.S. Батюшка, пришлите чаю. Солдатики хотят побаловать».* Женщины плакали, не скрываясь. «Капитан... — произнёс Игнатий. — Дстойная кровь, ваше превосходительство». — «Да, — твёрдо сказал Илья Николаевич. — Он там свою честь защищает. А мы здесь — свою землю отстояли. Всё одно — Россия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.